

7. Полякова Н.В., Воробьёва В.В. Предикативные средства выражения посессивности в диалектах селькупского языка // Межкультурная коммуникация: теория практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. – С. 212–215.
8. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М.: Наука, 1971. – С. 277–282.
9. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990. – 336 с.
10. Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1996. – 230 с.
11. Raun A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. Leiden. – New York. Kabnhavn. Köln, 1988. – P. 556–571.

А.А. Романов, Л.А. Романова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

ДИСКУРС-СЕЛФИ КАК ПЕРФОРМАТИВНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Интерес к феномену перформативности не угасает уже более полувекового периода и характерен не только для отечественного, но и зарубежного языкознания. Зафиксированная и актуализированная В.Н. Волошиновым (1930/1995) роль слова «в жизни и слова в поэзии» социума, подмеченная Эрвином Кошмидером [2] черта «видовой коинциденции грамматических конструкций» и выдвинутая Дж.Л. Остином [3] идея совмещения говорения и действия заложили основу притяжения феномена перформативности, которая получила широкое распространение не только в лингвистике, но оказалась полезной и значимой также и для других научных сфер знания, например, для театроведения, «медиевистики или истории искусств», «гендерных исследований», «исследований культурных пространств или постколониальных изысканий» (обзор и критику см.: [4; 5; 6; 7; 10; 11; 12; 13; 14; 26; 27; 28]).

Интерес к перформативной идеи был обусловлен не только появлением каких-либо новомодных «волн», «поворотов» или и не столько случайным или конъюнктурным всплеском интереса к феномену перформативности, а, скорее, такой интерес основывался на том, что категория перформативности оказалась в определённое время в центре интересов исследовательских программ по описанию специфики перфор-

мативного знания и поведения говорящего субъекта в разных языках, что повлекло за собой потребность исследователей внести ясность в существующую неопределенность категорияльной значимости самого феномена перформативности, а также фиксированности его статуса в системе отношений «человек–мир–человек» и размытости границ самого объекта описания [4; 5; 6; 12; 28; 30].

Действительно, следует признать, что неопределенность границ перформативного проявления в коммуникативной сфере сказывается на тематическом пространстве употребления термина *перформатив* или *перформативность*, когда, например, перформативность признается то «дескриптивной категорией», если речь идет о каких-либо определенных категориях культуры, то перформативность неожиданно появляется всякий раз на исследовательской авансцене, когда, например, речь заходит о театральные действиях, исполнении различных шоу-действий, инсценировании или репрезентации и описании всевозможных событий, информационных посланий, относящихся к политике, искусству, масс-медиа или при описании обучающих систем на основе мимезиса как некоторой – и даже в ряде случаев – определенной, итеративной цикличности проявления ментальных конфигураций «жизненного мира» говорящего субъекта, представляющих собой осмысленную модель действительности, которая воспринимается индивидом как привычный, нормальный, само собой разумеющийся мир, где проходит повседневная жизнь индивида, по А. Шюцу [8; 11; 12; 13; 13; 17; 18; 19; 24; 25; 28; 29; 30]. Нередко перформативность усматривают даже в направлении взгляда, когда в процессе такой визуальной интерактивной направленности осуществляется «исполнительская практика как некое действие, связанное с самой направленностью и её значением [22].

Новый импульс теория перформативности получила на рубеже XX–XXI веков благодаря бурному развитию информационных технологий, в особенности, благодаря интенсивному росту сетевых коммуникаций и широкому внедрению в жизнь сообщества интернет-коммуникаций, что повлияло на большую размытость критериев перформативности в системе отношений «человек–мир–человек. Сетевая коммуникация в глобальном охвате (масштабе) предоставила возможность различным слоям общества при помощи коммуникативных средств оперативно заявлять о себе (подавать себя) всем членам сетевого сообщества (т. е. декларировать себя «сетянам», «netizen») путем многожанровой и многопрофильной *самопрезентации* (в духе речевого акта аутохвальбы) в коммуникативно-информационном пространстве социальных сетей – например, в «Twitter», «Youtube», «Euro-news», «Фейсбук», «Вконтакте», «Одноклассники» – посредством поликодо-

вых в семиотическом плане посланий в виде сообщений, практик, разножанровых дискурсов, «креализованных» текстов, которые:

а) активно *проникают* и *внедряются* в широко развитые сети средств коммуникации и связи в глобальном масштабе,

б) меметически, т. е. в цикличном ритме *образуют аутореферентные*, сформированные для себя и обращенные в первую очередь персонально на себя и, в конечном итоге, оказываются замкнутыми на себя – как на отправителя и получателя одновременно – формы, реализуя такие специфические коммуникативно-значимые свойства как *нестабильность, гибкость, оперативность, пластичность, эфемерность, недолговечность, способность обучать других и самого себя, дигитальность* (запечатленность в цифровых показателях электронного программного обеспечения образности для изучения и расширения – в том числе и личностных – миров или сценариев «игр жизни»),

в) оперативно *транслируют* наличие семантической информации, которой обмениваются пользователи, оказывая тем самым *интенсивное влияние* на различные системы отношений между людьми, регионами, странами и культурами, что нередко является источником соперничества и даже открытого противостояния за бенефициарную ресурсную базу (пользователей, подписчиков, просмотров, посещений, ссылок, лайков, перепостов) и репутационный капитал в различных сферах жизнедеятельности человека [15],

г) создают иллюзию передачи средств информации и коммуникации, а также контроля за ними в руки отдельного человека как рядового потребителя информации с целью *одновременно повысить свою индивидуальную (персональную) значимость*, ибо персонализация информации, как известно, не только усиливает её значение, но и делает такую информацию более удобной для восприятия другим индивидом, потому что, сообщая информацию, отправитель вольно или невольно передаёт и своё отношение к ней, обусловленное его собственной системой ценностей. Такая информация, по Э. Тоффлеру, «воспринимается объёмнее, глубже и надёжнее, чем информация, передаваемая через неодушевлённый источник» [31, с. 213–214],

д) позволяют персонально каждому потребителю информационных посланий *«примерять» на себя образ* той или иной сложности и *демонстрировать* его *миру*, чтобы тем самым ускорять продвижение к новым сконструированным или «срежиссированным» образам, делая членов сообщества («сетян») непохожими друг на друга и отделяя каждого от усвоенного им прошлого опыта, чтобы *воздействовать* на изменения, обусловленные социальным характером индивида, а именно – либо на развитие определенных личностных черт и подавление других, либо на овладение

манипулятивной технологией переформатирования сознания и вывода его на уровень «аноэтического» знания (т. е. уровня «знания о незнании»), осуществляя тем самым изменение участников сетевой коммуникации [15].

Обозначенные выше (*a–d*) наиболее характерные черты сетевой системы цифровой коммуникации приводят к «серьёзному изменению инфосферы», сталкиваясь с которой, человек «обречен на трансформирование собственного сознания, т. е. того, как мы осмысливаем свои проблемы, как обобщаем информацию, каким образом предвидим последствия наших поступков и действий... и как изменяем эмоциональный склад собственного ума», тем самым «добавляем социальной системе совершенно новый уровень коммуникации» (Toffler, 1990:159), который можно назвать уровнем *виртуально-образной* или *цифровой коммуникации* сетевых систем [8; 9; 15].

Наиболее частотной (базовой) *единицей* такого уровня выступает транслируемый в инфосферу *дискурс-селфи* или дискурс-образ, представляющий собой совокупность естественно-вербальных коммуникативных практик, объединенных интенционально вокруг определенной иллюкативной доминанты. Рассматривая дискурс-селфи в ряду знаковых конститутивных единиц, следует иметь в виду, что он, являясь продуктом сетевой интеракции, обладает всеми перечисленными выше в пунктах (*a–d*) свойствами сетевой (цифровой) коммуникации, что позволяет причислять этот тип дискурса к *типам дискурсов*, реализующих *перформативную функцию*, эквивалентную в своём выражении конкретному социально-коммуникативному действию или практике [4; 5; 6; 10; 11; 26; 27; 28].

Спектр социального в коммуникативном действии перформативного дискурса-селфи – *презентирование* во времени определенного или выложенного в сеть фоторяда коммуникативно-информационных посланий персоны автора (отправителя, создателя, «режиссера», коммуникатора, инициатора) – *раскрывает уникальность (неожиданность)* каждого из ряда дискурсивной совокупности элементов (фотографий), *демонстрирует*, что каждый элемент фоторяда (фото одного и того же лица, объекта, группы лиц, животных и т. п.) является *феноменом* и *не тождественен* другим (т. е. не повторяем в своей референтной уникальности), *показывает*, что каждая ситуация презентирования в инфосфере отдельных элементов *уникальна* (т. е. готовится автором с учетом уже имеющегося набора фотографий) и по-своему *динамична*, но в то же время может быть похожа на другие ситуации фотографирования и презентирования по типовым образцам (схемам) и структурными соответствиями, которые в своей совокупности удобно подвести к перформативной разновидности канонических х формул перформатив-

ных конструкций: 1-е лицо – Перф. глагол в наст. времени – 2-е лицо – РС (пропозициональное содержание).

Вербально данная формула может быть описана следующим образом: **Я – демонстрирую себя всему** информационному **пространству** (миру) – **Я предьявляю** (подаю, демонстрирую) **себя** и поэтому **Я всем виден** таким, каким **я себя подаю**, таким, каким **Я существую в момент** этой презентации, чтобы **каждый**, кто меня видит, **оценил меня** (директив: «завидуй мне!») **и делал как Я** (директив: «делай, как я»).

Иллокутивный характер дискурса-селфи композитивен и включает в себя ряд иллокутивных функций (точнее, репрезентативных иллокуций, по А.А. Романову), которые объединяются в единое композитное перформативное образование с иллокутивной доминантой директивной направленности: «**завидуй мне!**» и «**делай, как я**» [6, с. 55; 7; 18; 20]. В этом плане **перлокутивный эффект** перформативного дискурса-селфи сводится к тому, чтобы через обозначенную эмоцию «**тщеславия**» (удовлетворения тщеславия, акта ауто/само-хвалы: «вот Я какой красивый, молодец, счастливый, успешный» и т. п.) **побуждать к вызову** определенной ответной эмоции у других в качестве адресата (директив: «**завиду!**»). **йте мне!**») и тем самым одновременно получить в качестве перлокутивной оценки и самооценки поддержку, одобрение и похвалу в виде лайков (директив: «**одобрите меня!**») и **финального директива** как источника последующей каузирующей цепочки: «**следуйте за мной – следуйте моему примеру – делайте как Я – выделитесь как Я – добейтесь успеха как Я.**

В итоге, перформативный характер дискурса-селфи в сетевых коммуникациях сводится к прагматическому предназначению формирования композитной, комплексной иллокутивной функции (репрезентативная – демонстрация – побуждение – директив), используемому в имплицитной (или в неявно выраженной, но зафиксированной в личностной системе установок **Я** – коммуникативного субъекта) форме для углубленной сегрегации сетян друг от друга.

Литература

1. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Философия и социология гуманитарных наук. – СПб.: АСТА-ПРЕСС, 1995. – С. 59–86.
2. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М.: Иностран. лит-ра, 1962. – С. 105–167.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
4. Романов А.А. О соотношении перформативного значения и перформативной функции // Проблемы семантических исследований. сб. научн. тр. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 1981. – С. 94–96.

5. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единств. сб. научн. тр. / под ред. И.П. Сусова. – Калинин: Изд-во КГУ, 1984. – С. 86–92.
6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.
7. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. – 153 с.
8. Романов А.А. Мемезис перформативного знания о функционировании естественно-языковых практик // Мир лингвистики и коммуникации. – 2011. – № 2. – С. 1–14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
9. Романов А.А. Роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества // Мир лингвистики и коммуникации. – 2017. – № 5. – С. 1–20. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
10. Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до наших дней. – Москва; Тверь; ИЯ РАН; «АгросферА» ТГСХА, 2009. – 156 с.
11. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативны ли политические обещания? // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009а. – С. 273–281.
12. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативность: грамматическая или прагматическая категория? // *Arg grammatica*. Грамматические исследования. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2010. – С. 157–150.
13. Романов А.А., Романова Л.А. Композитная перформативность в интерактивном пространстве дискурса // *Studia Linguistica*. Збірник наукових праць. Вып. 5. Частина 2. – Київ: Київський національний університет ім. Т. Шевченка, 2011. – С. 327–338.
14. Романов А.А., Романова Л.А. Перформативность как категория сакрально-ритуальной дискурсии // Языковой дискурс в социальной практике. сб. научн. тр. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 245–251.
15. Романов А.А., Романова Л.А. Векторная направленность переформирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак // Мир лингвистики и коммуникации. – 2017. – № 5. – С. 1–32. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
16. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 241 с.
17. Романова Л.А. О трактовке перформативности и перформанса в социальной коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике: материалы межвузовск. научно-практическ. конф. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2008. – С. 201–206.
18. Романова Л.А. Теория социального конструирования и композитные перформативы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2009. – № 2 (15). – С. 68–75.
19. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2009а. – 180 с.

20. Романова А.А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты. автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Великий Новгород, 2010. – 47 с.
21. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – 445 с.
22. Fischer-Lichte E. Grenzgänge und Tauschhandel. Auf dem Weg zu einer performativen Kultur // Wirth U. (Hrsg.) Performanz. Zwischen Sprachphilosophie und Kulturwissenschaften. – Frankfurt/M: Hirschgraben, 2004. – S. 277–300.
23. Romanov A.A. Political threat as communicative performative construct // Analele Universității Spiru Haret. București: Spiru Haret Universitatea. Sera Filologie. Limbi și literaturi străine. An. XVII, nr. 17, 2012. – P. 123–129.
24. Romanov A.A., Malysheva E.V., Romanova L.A. Frame representation of verbal-tactile composite in English dialogue // Language and Literature. – Iss. 4 (2). – Vol. 26. – 2017. – P. 647–653.
25. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // Journal of Language and Literature. – 2014. – Vol. 5. – No. 4. – P. 100–103.
26. Romanov A.A., Romanova L.A. Promises of politicians: performative, performance or simulacrum // Thirty-Seventh LACUS FORUM. Communication and Cognition: Multidisciplinary Perspectives, July 20–24, 2010. – Meeting Handbook. amilton, Ontario: McMaster Univ. Press, 2010. – P. 39–40.
27. Romanov A.A., Romanova L.A. Mimesis and performative knowledge of use social practices in the communicative space homo loquens // Interdisciplinary Researches in The 21-st Century: Creation and Creativity in a modern European education. Conference Proceedings. – Oradea: EdituraI universității Emmanuel in Oradea (Romania), – 2012. – P. 322–325.
28. Romanov A.A., Romanova L.A. Composite performatives as types of social semiosis's cryptoclass // Collection: Modern Approaches to Linguistics, Literature and Cultural Studies. Vol. 2. Sandy, Utah (USA); Centre for Research, Resources and European Studies: Eco Academic Publishing House, 2012a. – P. 207–214.
29. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as «tunnel window» of media discursive reality // «Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries». The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26–28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 512–518.
30. Romanov A.A., Romanova L.A., Novoselova O.V. Communicative Construct of the Composite Threat-performatives // Procedia: Social and behavioral Sciences. – 2015. – Iss. 206. – P. 71–75 (XV International Conference «Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations», LKTI 2015, 9–11 November 2015, Tomsk, Russia).
31. Toffler A. The Third Wave. – New York: Bantam Books, 1990. – 540 p.